

ТАКЕ ІТ ЕАSУ или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

...И РУХНУЛА АКАДЕМИЯ

КНИГА 2

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

Александр Штейнберг Елена Мищенко ...И РУХНУЛА АКАДЕМИЯ

ВЫПУСКНОЙ БАЛ

Последний новогодний вечер стал, фактически, нашим выпускным балом. К этому вечеру мы готовили капустник и светогазету. Мне, как редактору светогазеты и автору капустника, пришлось попотеть. Обычно светогазета у нас делалась всем курсом. Мы собирали смешные темы и сюжеты, после чего я писал стихи. Саша Катанский, блестящий карикатурист, рисовал иллюстрации к этим стихам на лентах рулонной бумаги в квадратиках 15x15 см. Он искажал людей до невозможности, и тем не менее они оставались похожими. Эти карикатуры коллективно раскрашивались акварелью и обводились тушью. После этого газета склеивалась в один рулон, стихи корректировались по рисункам, и газету показывали через эпидиаскоп на вечерах, сопровождая текстами и музыкой.

Особенно яркие светогазеты появлялись у нас после военных лагерных сборов, — тем было хоть отбавляй. Пытались сделать стенгазету непосредственно в лагерях. Однажды мне

сообщили, что меня вызывает ротный — капитан Саенко. Он узнал, что я редактор стенгазеты, и хочет со мной поговорить. Обычно он восседал за столом на свежем воздухе возле офицерской палатки. Когда я подошел к нему и спросил: «Вы меня вызывали?», он начал хохотать до истерики. Я не мог понять в чем дело. Когда он пришел в себя, то сообщил сквозь слезы:

— Такое я вижу в первый раз в жизни. Одним движением ты нарушил одновременно шесть положений устава. Ты не подошел, как положено, ты снял пилотку, после этого ты отдал честь, приставив руку к непокрытой голове, при этом ты поклонился, после всего ты вместо слов «Рядовой такой-то по вашему распоряжению...», спросил «Вы меня вызывали?» Потом ты надел пилотку, повернулся и спросил: «Что тут такого смешного?» Шесть нарядов вне очереди, но, бог с тобой — сегодня прощаю, мы думаем сделать газету.

Мы обрадовались. Сидеть рисовать карикатуры вместо того, чтобы заниматься самоокапыванием на 40-градусной жаре, — об этом мечтали многие. Тем была масса. Начали со вчерашней, наболевшей. В роте физкультурного института один солдат обнаружил червяка в борще. Рота отказалась от обеда. Зачинщиков увезли из лагеря, а на следующее утро начальник сборов

полковник Агабабян произнес на общем построении блестящую речь, которую он начал так.

— Необразованные темные китайцы едят четыреста блюд из червяков, а в нашем полку нашелся солдат, который не смог съесть одного червяка и начал бунтовать. Позор!

В конце дня появился капитан Саенко и, увидев карикатуры, пришел в ужас.

— Вы что, решили изображать советских солдат в смешном виде? Не позволю!

Он наотрез отказался от этой затеи и отправил нас рисовать офицерскую книжку и карту для очередного проверяющего.

Заключительный вечер в институте прошел блестяще. Светогазета и капустник проходили на ура. А к финальной песне все вывалили из дипломантских, находившихся тут же в зале, и запели хором на мотив популярной тогда песни из «Карнавальной ночи»: «Если вы нахмурясь выйдете из дома...»

Если грустно станет в трудную минуту,
Если нету друга, если вы одни,
Вспомните родные стены института,
Вспомните веселые студенческие дни.
И улыбка, без сомненья,
Вдруг коснется ваших глаз,
И хорошее настроение
Не покинет больше вас.

Заставили нас это петь много раз — пел весь зал. Это было фактическое прощание с нашим актовым залом. Наш знаменитый актовый! Он был очень дорог всем нам. В нем проходили все вечера, все комсомольские собрания, все битвы на архитектурном фронте, все дискуссии. Здесь защищались крупные проекты. В этом зале унижали нашу профессуру в период борьбы с космополитами, в этом зале чествовали наших корифеев. Он был очень уютным, этот зал, несмотря на фанерные перегородки, выгороженные по бокам для дипломников. Дипломники были здесь мощной силой. При пасквильных выступлениях представителей райкома из-за этих перегородок несло улюлюканье. Во время чествований над перегородками поднимались головы дипломников и произносили здравицы. Вечера в этом зале породили многих талантливых исполнителей среди архитекторов. Это Игорь Ткачиков, обладавший великолепным голосом, закончивший параллельно консерваторию, и Евгений Лишанский — руководитель студенческого театра, получившего международные призы, это и Игорь Безгин, возглавивший впоследствии кафедру в театральном институте, и Леонид Оловянников — один из организаторов ансамбля «Гумка». Мы долго не

могли покинуть актовый зал в этот вечер. Нам предстояла еще только одна встреча с ним — на защите диплома.

Несмотря на то, что наш факультет был очень маленьким (наш курс всего 28 человек), он воспитал сильных архитекторов. Многие из них заняли ведущие места в архитектуре. Мы гордились нашими соучениками и нашими предшественниками: это главные архитекторы Киева профессор Анатолий Добровольский, заслуженный архитектор Украины Игорь Иванов, профессор Валентин Ежов, а также профессор Николай Демин, заслуженные архитекторы Украины Эдуард Бильский, Юрий Паскевич, крупнейшие архитекторы Украины Авраам Милецкий, Александр Малиновский, Вадим Гопкало, народный художник Украины Людмила Мешкова, главный художник Киева Константин Сидоров и многие другие, и, кроме того, основной абстракционист-шестидесятник, талантливый художник Анатолий Суммар (он же Батя), ведущие режиссеры и мультипликаторы известной Киевской киностудии научнопопулярных фильмов. Я горжусь тем, что мне пришлось работать и общаться с этими людьми.

С дипломом мне повезло. Тема была градостроительная — планировка и застройка жилого района и три типа жилых домов, никаких

особенных проблем с излишествами. «Китайцев» на покраску генпланов найти было не так сложно, а перспективы я старался делать сам. На меня работало два самых квалифицированных «китайца» — ассистент кафедры Клара Георгиевна и мой друг Юрий Паскевич.

Преддипломную практику я проходил в Киевпроекте. Мне сразу же предложили поехать на обмеры в Новгород-Северский. Экспедицией руководил Николай Вячеславович Холостенко — блестящий знаток истории архитектурных памятников. Перед этим он руководил обмерами Кирилловской церкви. В группу входила одна женщина-архитектор, которая рассказала мне такую историю. На территории Кирилловской церкви находится психиатрическая больница. Для обмера купола они забрались на кровлю. Было очень ветрено, и она уговорила Николая Вячеславовича надеть свою вязаную кофточку и шапочку. Во время перерыва они все отправились в столовую, а Холостенко остался на кровле поработать. Кто-то его заметил, принял за больного и предложил слезть. Он в ответ прокричал:

— Я не могу слезть. Мне нужно еще на крыше поработать.

Пожилой мужчина в дамской кофте и шапочке сидит на крыше, что-то пишет и собирается поработать — сомнения отпали. Вызвали пожарную

машину из ближайшего депо и отправили по лестнице двух санитаров. Естественно, он оказал сопротивление.

Но силы были неравными. Его все-таки сняли. И если бы к этому времени не подоспели сотрудники — неизвестно, чем бы это все кончилось.

Так что фактически я свою преддипломную практику провел на стенах Новгород-Северского кремля. Материал для диплома у меня был уже готов.

На защите меня спросили, за счет чего я решаю архитектурный облик жилых домов. Я держался стойко. Ни слова о декоративных элементах, на которых ловили моих предшественников. Только лоджии и вертикальное озеленение — вьющаяся зелень, столь широко применяемая в Европе. Это понравилось. После этого всех спрашивали, предусмотрено ли у них вертикальное озеленение. Все дружно отвечали, что да, а один наиболее преданный дипломник прямо с этого начал доклад.

Это был тяжелый период для архитекторов. Великая и нерушимая Академия архитектуры трещала по всем швам под массовым напором чиновников во главе с главным архитектором и аграрием Советского Союза Никитой Сергеевичем.

...Это был полный мужчина с красной физиономией, маленькими глазками и большими залысинами. Он сидел за огромным двуспальным письменным столом, говорил очень уверенно, но старался смотреть не на нас, а куда-то мимо.

— Скажу вам честно, поскольку мы с вами хорошо знакомы, — разоткровенничался заместитель начальника киевской таможни. — Лица еврейской национальности покидают Украину, вывозят белье и посуду. Вот и сидит наше население без товаров.

С нами он говорил в более мягкой форме, чем с другими посетителями. За два года до этого у меня в мастерской появились люди в фуражках с зелеными околышками и сообщили, что им нужно со мной серьезно поговорить с глазу на глаз. Мне стало не по себе. Когда мы остались наедине, один из них достал из портфеля бутылку французского коньяка. Оказалось, что они пришли ко мне по рекомендации одного из чиновников Госстроя с просьбой сделать эскизный проект реконструкции

своего управления на улице Рейтарской. Мне стало легче. Они и в дальнейшем расплачивались импортным коньяком, очевидно конфискованным у отъезжающих.

Я слушал замначальника и думал — есть украинцы, есть армяне, есть эстонцы, а вот евреев в бывшем Советском Союзе нет. Есть лица еврейской национальности. Какой же чиновник-юдофоб придумал этот термин? Очевидно, такой же, как тот, что изобрел таможенные постановления со списком товаров, разрешенных к вывозу. Не было процедуры более унижительной, чем отправка своих вещей за границу, в Израиль, в Германию, в Америку... Белье нельзя, посуду нельзя, обувь иномарок нельзя. Следует длиннейший список, чего нельзя. Рядом — коротенький — что можно: подушки, ношенная обувь советского производства, пальто с отпоротым воротником.

— Позвольте, но зачем же портить пальто и отрывать воротник?

— Чтобы мех не вывозили. Кстати, я вижу у вас меховые манжеты. Тоже нужно отпороть.

То же самое с книгами. Запретить к вывозу книги издания до 1947 года, а также многотомные словари, энциклопедии, справочники. Очевидно, сведения 50-летней давности, напечатанные в советских справочниках, представляют большую ценность. Шел 1992 год — год 75-летия революции.

И вот передо мной лежит маленькая книжечка, формата книжки-малышки, в невзрачном синем переплете. Эта книжечка нарушила все таможенные инструкции и пересекла вместе со мной границу. На обложке надпись: «Академия строительства и архитектуры. Справочник». Книжечка эта не привлекла внимания таможенников, потому что уже и самой академии нет. Но для архитекторов она очень интересна, ибо это был «Последний день Помпеи» в архитектуре.

23 августа 1955 года вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства». В нем, как говорилось, отмечались недостатки в строительстве. Из него явствовало, что архитекторов вообще не следовало подпускать к проектированию зданий. В соответствии с этим постановлением вся страна сначала облила грязью архитекторов, а потом стала застраиваться тоскливыми одинаковыми пятиэтажками, получившими в народе название «хрущобы».

Самое удивительное состоит в том, что отменили это постановление только в 1988 году... А пока что архитекторов Полякова, Борецкого и Рыбицкого лишили Сталинских премий за строительство высотных зданий. Полякову,

известному архитектору, вообще запретили проектировать.

И вот в ноябре 1956 года архитекторы были преданы анафеме, и Академия архитектуры рухнула. На ее развалинах тут же был создан кособокий фундамент Академии строительства и архитектуры. В связи с тем, что избирать новых академиков было некому, Совет Министров УССР назначил академиков-фундаторов, которые уже могли избирать других академиков и членов-корреспондентов. Президентом новой Академии стал инженер Анатолий Николаевич Комар вместо архитектора Владимира Игнатьевича Заболотного. По этому поводу остряли: «Комар сел на заболоченное место, и академия трясется в лихорадке».

Архитектуроведы лихорадочно приспособлялись к новой ситуации. На семинаре в Москве один из слушателей задал вопрос доктору архитектуры Константину Иванову:

— Каковы дальнейшие пути развития нашей советской архитектуры?

— А вы откуда приехали, молодой человек?

— Из Новосибирска.

— Ну так вот, представьте себе: кончился семинар, вы садитесь в поезд и едете с полным комфортом, попивая чаек, несколько дней. Но вот вы вышли на перрон и обнаружили, что приехали в

Баку. «Что делать?» — спросите вы. А я вам отвечу: «Садитесь на поезд, езжайте назад в Москву, а оттуда в Новосибирск». Вот такими путями и будет развиваться советская архитектура.

Ответ остроумного доктора архитектуры мало кого удовлетворил.

Строители и чиновники, с легкой руки начальства, смотрели на архитекторов свысока, ругать архитекторов стало модным занятием, на них списывались все беды нашей многострадальной экономики. Профессия архитектора в те дни была нелегкой и малопrestiжной. Однако нам выдали путевку в жизнь, и мы отправились в путь.

ПЕРВАЯ РАБОТА

Основной вход в комплекс Софии Киевской был с площади Богдана Хмельницкого через колокольню. Туристические автобусы парковались прямо на площади, и стайки туристов, возглавляемые громогласными экскурсоводами, направлялись к этим воротам. По дороге экскурсовод инструктировал своих подопечных,

что туалет находится сразу за колокольной налево, что на все их необходимые потребности им выделяется 15 минут. После этого они, повеселевшие, опять собирались в стайку и шествовали рассматривать знаменитую Оранту Киевскую. Второй вход был предусмотрен с противоположной стороны комплекса через знаменитую Брамму Забаровского. Но, к сожалению, эта красавица — барочная брама (ворота) была замурована неизвестно кем и когда, и о ее существовании знали даже не все архитекторы. Ее периодически реставрировали, однако ворота почему-то не размуровывали и изнутри она вообще заросла травой. Да и ворота со стороны колокольни не всегда были открыты. Поэтому неорганизованные туристы, как и простые смертные, проходили в подворье через ворота со стороны улицы Владимирской, рядом с которыми размещалась шикарная доска, отпугивающая туристов: «Трест № 1».

Я прошел именно через эти ворота и возле здания Хлебной Софийского собора увидел двух туристов то ли англичан, то ли американцев. Женщина пыталась прочитать надпись на доске, а он пытался найти ее в словаре. Это было название института — обычная аббревиатура более 20 букв, начинавшаяся «УКРНИИГИПРО...» и т. д. Пока я подыскивал слова из своего жидкого английского

запаса, чтобы объяснить им, что найти такое слово невозможно, я услышал за своей спиной:

— А чего это тут шатаются молодые архитекторы, вместо того, чтобы ловить хорошую погоду, писать этюды или сидеть на пляже?

Я обернулся, это был директор института с таким длинным и труднопроизносимым названием. Я в этом заведении проходил не так давно проектную практику.

— Здравствуйте, Сергей Константинович! А я решил зайти попрощаться с вашими перед отъездом на работу.

— Это куда же ты собрался?

— В глушь беспросветную, в город Николаев по назначению.

— А ну-ка зайди ко мне в кабинет.

Кабинет находился в другом здании. Единственный туалет на эти два здания располагался в Хлебной, и директор, как и все простые смертные, должен был периодически совершать это путешествие. В кабинете директора, как всегда, сидело несколько сотрудников. Он был человеком общительным и терпеть не мог одиночества. Поэтому сотрудники попадали сюда без всяких препятствий.

— Садись и рассказывай (это уже ко мне), а вы пока подождите. Вопрос серьезный — у нас не хватает архитекторов, а их, оказывается, посылают

куда угодно. Так в какой ты институт направляешься, и на кого ты собираешься бросить своего батьку?

Они с отцом были старыми знакомыми, оба были в правлении Союза архитекторов, и он был в курсе наших домашних дел. Когда я назвал институт, он оживился:

— Так это же наш филиал. Никуда ты не поедешь. Лидия Григорьевна, — прокричал он в приемную секретарше (двери в кабинет почти всегда были открыты). -Соедини-ка меня с Николаевом.

Через две минуты он уже беседовал по телефону:

— Петр Николаевич! Почему до сих пор нет квартального плана! Что за бардак? Вот я приеду, разгоню всех к едрени-фене. Что? Не дождетесь, когда приеду? Примете как дорогого гостя? Ловлю на слове. Да, у меня к тебе есть небольшая просьба. Тут один молодой архитектор, он назвал мою фамилию, так он получил направление к тебе. Жуткий шалопай и бездельник. Он у меня был на практике, начал кучу работ и ни хрена не довел до конца. Так я решил его маленько поучить. Ты пришли мне на него открепление, да, прямо в кадры, а я переправлю его направление к нам в мастерскую — пусть попотеет и научится доводить свою работу до конца. Да не за что. Воспитание

молодых бездельников тоже наша работа. Тебе все ясно (это уже ко мне)? Так иди в кадры и оформляйся. Я туда позвоню.

— Сергей Константинович! За что вы меня так ругали?.

— А иначе он бы тебя не отпустил. А так он рад и доволен. Ведь юный бездельник — это ярмо на три года.

С понедельника выходи во вторую мастерскую. А ты, Анатолий Васильевич, чего молчишь, не благодаришь? Ты же плакал, что у тебя архитекторов не хватает, так я его к тебе в мастерскую засуну.

Так неожиданно началась моя трудовая деятельность рядом с самым домом, к полнейшему удивлению моего отца, который на это даже не рассчитывал. Началась она в понедельник. Опоздал я всего на две минуты — это время перебежки от дома до работы. Опыт показал, что чаще всего опаздывают те, кто живет рядом с работой. Меня никто не ругал. Был день получки, а в такие дни все становились намного добрее.

Вход в нашу мастерскую был через приемную. Так как дверь была почти всегда открытой, я сразу оказался в курсе всех новостей в институте. Мастерская состояла из двух комнат. В первой, куда меня определили, работало восемь человек, и среди них шеф, главный инженер

мастерской — Иван Николаевич и три главных инженера проектов. Такое изобилие начальства определялось очень низкими зарплатами. ГИП получал всего 1350 рублей в месяц. Моим ГИПом стала Ольга Ивановна, обеспеченная Хрущевым за павильон овцеводства на выпердосе (помните его высказывание: какой баран сделал такой павильон для баранов?). Напротив меня сидела весьма симпатичная Надежда Алексеевна — очень милая, и в то же время очень партийная дама, большая любительница послушать анекдоты и смешные истории. За моей спиной сидел Фима — конструктор. Когда он чертил, он любил рассуждать вслух:

— Сюда мы засунем балку Б-5. Елку-балку, елку-балку. А она, проклятая, не лезет. Разговоривается вопрос: Ворум и почему?

— Фима, потише, — слышался голос Николая Сергеевича, сидевшего возле балкона.

В нашей мастерской был свой балкон. И вообще этот дом был смешанным: институт занимал второй и подвальный этажи, а в бельэтаже были квартиры. Мне тут же поведали страшную историю о том, как на втором этаже освободилось пару лет назад две комнаты, и к чему это привело. На эти комнаты претендовали сотрудники нашего института, сотрудники ГИПРОводхоза и местные жильцы этих коммунальных квартир. Как только

наш директор узнал об этих комнатах, он тут же их выделил Надежде Алексеевне — моему визави, и начальнику издательского отдела — бывшему партизану. При этом он велел немедленно их захватить, так как узнал об этом первым, и занять круговую оборону. Его распоряжение было выполнено. Но на следующий день вражеские силы пошли на штурм. В двух институтах-соперниках никто не работал. Партизан заколотил дверь гвоздями изнутри с помощью молотка, заброшенного через окно. Еду ему передавали в авоськах на шестах, тоже через окна. Опытный партизан сопротивлялся до последнего. Как он потом рассказал, заколоченные гвоздями двери они открыли, приложив чудовищные усилия, так что ручка от дверей осталась у него в руках. И когда неприятель готов был уже праздновать победу, дирекция бросила в бой весь наш мужской состав, благо институт размещался в этом же здании. Силы были неравными, и враг капитулировал.

С Надеждой Алексеевной дело было хуже. В квартире на посту оставался ее интеллигентный муж — профессор художественного института, поскольку у нее был выпуск проекта. Он заперся и стал ждать. Тут в дверь тихонько постучались, и на вопрос «Кто это?» был получен ответ: «Соседка. Пришла посоветоваться». Он, как человек неопытный, взял да и открыл. Действительно,

вошла соседка — владелица соседней комнаты, женщина энергичная, мать двух детей, имевшая большие виды на эту комнату.

— Чем могу быть полезен? — спросил интеллигентный претендент на жилплощадь.

— А вот чем. — Она резким движением сбросила халат и осталась в чем мать родила. — Убирайся немедленно отсюда, иначе я подниму крик, что ты меня насилуешь, что ты пришел специально надо мной надругаться, — тут она повысила голос. — Не смей раздевать меня, — прокричала она, — не трогай мой лифчик.

После первых же криков наш претендент трусливо покинул поле боя, и статус-кво удалось установить только с милицией.

К моменту моего прихода мастерская работала напряженно, так как заканчивался проект жилого дома возле Бессарабки, куда должны были вселиться наши сотрудники, в том числе и

счастливые обладатели с таким трудом отвоеванных комнат. Поэтому, как только я получил собственный рабочий стол с рейшиной, Иван Николаевич, наш главный инженер, подошел ко мне и сказал:

— Сейчас срочных архитектурных работ нет, поэтому загружать вас буду я. Вы можете сделать план перекрытия?

— Конечно, — ответил я, хотя не был в этом уверен.

Я получил «козу» (образец) и усердно принялся за работу. Работа оказалась несложной, но мне хотелось блеснуть графикой и преподнести мой первый чертеж красиво. В ту пору все чертежи калькировались копировщицами, поэтому все писали как попало. Я же старался изо всех сил, высунув язык, и все надписи выполнил изящнейшими шрифтами. Это произвело впечатление. Иван Николаевич носился с этим листом и тыкал им в лицо всем своим инженерам. На второй день он меня спросил:

— А подпорную стенку вы посчитать тоже сможете?

— Могу, — ответил я и испугался, так как подумал, что меня хотят переквалифицировать в инженеры.

Через несколько дней, когда я уже сделал несколько конструкторских работ, я понял, чем

вызвана такая ситуация. Все расчеты и проверку чертежей делал в мастерской один человек — великолепный инженер Александр Валерианович Рыков, с которым я познакомился в первый же день. У нас было много общих знакомых из среды архитекторов. Он был интеллигентнейшим человеком, сыном профессора Валериана Никитича Рыкова — известного архитектора, первого ректора Киевского художественного института, автора ипподрома, киностудии, банка. С ним было приятно беседовать во время перекуров. Он пользовался большим уважением в районной библиотеке: ему в первую очередь давали прочитывать все толстые литературные журналы, так что он был в курсе всех дел на литературном фронте. Он любил вспоминать истории из своего детства, причем эти воспоминания носили ярко выраженную кулинарную окраску. Особенно выпукло прорезались эти воспоминания после посещения диетической столовой, где он регулярно питался.

— Вы знаете, Александр, со мной произошла странная история. Сегодня мне предложили в моем диетическом ресторане куру. Меня это расстроило. Я, знаете ли, с детства кур не ем. Хотя в детстве я не гнушался простой пищи. На праздники я любил забраться на кухню, где закусывала прислуга, и съесть, например, бутерброд с красной икрой. Отец заглядывал на кухню и возмущался: «Что ты ешь,

Саша? Она же крашеная. Пойди к гостям в столовую и ешь нормальную икру». А перед праздниками, особенно перед Рождеством, нам присылали ящик с пробными бутылочками — мерзавчиками различных коньяков для рождественского заказа. Отец любил хороший коньяк, тщательно дегустировал, выбирал и заказывал пару ящиков.

А тут вдруг вареная кура. Куру я мог есть только в одном виде — «де валяй по-киевски», и то под хороший коньяк и приготовленную так, как ее подавали в довоенном «Метрополе» — это там, где сейчас консерватория. Повар там был виртуоз. Он брал крупную куриную ногу, закатывал на ней шкурку, снимал мясо, изображал великолепную котлету, нашпигованную маслом, насаживал ее на косточку, закатывал шкурку назад и в таком виде жарил во фритюре. Такую куру можно было есть с удовольствием. Я уже не говорю о гарнире. А тут — кура отварная, гарнир перловая или рисовая каша. От одного этого меню охватывает безумная тоска.

Когда наступил второй день моей трудовой деятельности, Александр Валерианович исчез — сказали, что заболел. Поэтому срочная работа, связанная с подпорными стенами, стояла, и меня решили приобщить к этому делу.

— Вы уверены в этом, Иван Николаевич? — спросил шеф. — Он же архитектор. Такого там насчитает, что потом дом сползет на крытый рынок.

— Ничего страшного. Через три дня придет Рыков и все проверит. Кроме того, результаты я почувствую через штаны.

Во-первых, я удивился его чутью, а во-вторых, меня поразило, откуда он так точно знает, когда Александр Валерианович кончит болеть. Через три дня Рыков, действительно, появился в мастерской. Был он очень бледным, осунувшимся, с болезненными воспаленными глазами. Он сообщил, что у него опять были желудочные колики, очевидно, он никогда не сможет привыкнуть к этой диетической пище, но сейчас уже вроде получше.

Судьба его сложилась весьма трагично. До войны умерла его первая жена — пианистка. Во время войны погибла его вторая жена — балерина. Третий брак — послевоенный, был случайным, он вскоре развелся и остался один. На фронте он был майором инженерных войск, наводил мосты, его очень уважали. Но фронтовых друзей он быстро растерял. Превратности судьбы наложили отпечаток на его образ жизни. После получения он, как человек организованный, отправлялся в диетическую столовую, покупал талоны на 15 дней, менял книги в библиотеке, относил белье в

прачечную и в чистку, кое-что в починку. А на все оставшиеся деньги он покупал водку и запирался с ней дома обычно на три дня. После этого на четвертый день он без опоздания приходил на работу в очень болезненном состоянии и сообщал всем хорошо накатанную версию о желудочных коликах. Во все остальные дни он не пил. Учитывая очень высокую квалификацию, ему прощали эту слабость, участливо выслушивали его историю о коликах и загружали расчетами и проверкой. Но, к сожалению, иногда эти трехдневные исчезновения совпадали с весьма срочными работами. И тут начиналась паника. Я попал как раз в такой момент, и меня засадили за расчеты подпорных стен, так как дом для наших сотрудников находился на улице Дарвина на крутом склоне над Бессарабкой.

Руководил всеми этими работами главный инженер нашей мастерской Иван Николаевич. Он был симпатичным пожилым человеком, но менее интеллигентным, чем Александр Валерианович, и потому высказывался иногда чересчур образно. В расчеты он старался не влезать. Он в свое время изучил расчеты по допускаемым напряжениям, и, когда перешли на новую форму по расчетным сопротивлениям, переучиваться не захотел. Когда он не соглашался с результатами вычислений, то приводил все тот же, не самый объективный

аргумент: «Я это чувствую через штаны». Спорить с таким аргументом было трудно.

У Ивана Николаевича были свои увлечения. Летом он после работы частенько садился на велосипед с моторчиком и отправлялся в пригороды, как он говорил, на сбор барбариса. Потом он его перерабатывал каким-то ему одному известным способом в соответствующий довольно крепкий напиток. Иногда из его угла слышалось бульканье. После этого через некоторое время Иван Николаевич выходил из угла в крайне веселом настроении и начинал разглагольствовать о значении интуитивного метода конструирования. У меня с ним сохранялись идеальные отношения. Он всюду стоял горой за меня до выхода первой большой юбилейной стенгазеты. Диапазон работы нашего института был необъятным: клубы, библиотеки, административные здания, ипподром, цирк, коровники, свинарники. Через месяц после моего вступления в должность меня вызвал директор.

— Ты чем там сейчас занимаешься?

— Да вот перекрытия делаю и подпорные стены считаю.

— Вот, пожалуйста! А говорили, что архитекторов не хватает. Бросай сейчас же всю эту ерунду. Вот тебе чертежи Киевского цирка. Автор сейчас заболел, а строители подняли скандал. Надо

сделать рабочие чертежи завершения на куполе. А тут на фасаде только намеки. Даю тебе три дня. Шеф в курсе дела.

Я вернулся в мастерскую и с гордостью рассказал о полученном задании. Но в ответ я услышал только слова сочувствия. «Ты не знаешь, — говорили мне, — каково иметь дело с Жуковым. Он из тебя душу вытрясет». И они оказались правы. Несмотря на все мои старания, автор, появившийся через неделю, объявил, что все это ерунда, и что он должен все мои чертежи переделать. Я был весьма обескуражен, так как не сталкивался еще с диким самолюбием маститых архитекторов.

Жуков был маститым. Поэтому он не хотел никого подпускать к своему цирку. Впоследствии он рассказывал много баек об авторском надзоре в цирке. Он тоже не отказывал себе в некоторых шалостях. Во время его посещения нашей мастерской он был слегка навеселе, и поэтому мне пришлось выслушать удивительную нотацию.

— Как это ты мог взяться за проектирование завершения цирка? Цирк — это не клуб какой-нибудь. У себя в клубах и домах культуры ты можешь сажать на фронтоны, что угодно. А цирк есть цирк. Здесь все очень сложно. Надо со всеми поговорить: с клоунами, эквилибристами, акробатами, даже с униформистами. Ты со слонами

и верблюдами разговаривал? Нет! А я разговаривал. Ты у обезьян и морских слонов спрашивал? А я спрашивал. Да, я и у слонов, и у лошадей спрашивал, что им нужно. У всех спрашивал. Вот, например, беседую с Кио. Он мне и говорит: «Мне нужно распилить женщину на манеже на две части, а ты мне предусмотрит лаз под сектором, чтобы она — эта распиленная могла по нему пробежать, а я мог ее после этого спустить под бой литавров на трапедии из-под купола». И что вы думаете, я предусмотрел такой лаз специально для его распиленной дамы. Так пришли электрики и проложили в нем высоковольтную линию. Пусть теперь попробует полазить, так ей ее пила покажется не больше щекотки. А ты говоришь, взял да и нарисовал завершение. Здесь специфику нужно знать.

Тем не менее рассказывал он очень интересно, хотя и не всегда правдоподобно. Второй раз мы столкнулись с ним на творческом поприще, когда делали проекты здания сельхозминистерств. Приняли мой вариант. После этого он со мной не разговаривал. Но когда выяснилось, что ни мой, ни его вариант не построят, наши хорошие отношения восстановились.

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

После цирковых упражнений меня посадили, наконец, на архитектурные чертежи. Я потихоньку стал познавать не только наш архитектурный второй этаж, но и смежников, сидевших в других зданиях, и самые интересные службы, от которых зависела наша жизнь и зарплата — наш полуподвал.

Я определил, что наши подвальные помещения были тщательно откалиброваны. В основном, там работали женщины. При этом самые полные дамы в институте были в машбюро, а самые изящные — в копировальном. Зная, что этот этаж принадлежит дамам, я был крайне удивлен, когда, спустившись вниз, услышал великолепный набор неформальной лексики. Монолог этот принадлежал тоже даме — начальнице библиотеки и архива. Она не стеснялась в выражениях. Но ее все любили, так как она обладала феноменальной памятью, знала весь свой архив наизусть и могла, не глядя, достать любую папку по любому объекту.

— Какого хрена ты мне притащил чертежи россыпью, так твою... Я за тебя комплектовать буду? Тра-та-та...

— Люда, потише. Испортишь молодого специалиста, — лепетал оторопевший ГИП.

— Ничего, пусть привыкает. Поработает со строителями и не такому научится.

У Люды я обнаружил невероятные ценности. Когда-то, сразу после войны, директором института был Таций, наш сосед снизу, пытавшийся вступить в спортивную борьбу с отцом. Он был, как я понял, большой книголюб, и излишки денег из бюджета института тратил на приобретение архитектурных изданий в комиссионных магазинах. Люда их бережно хранила, но мне, то ли из добрых побуждений, то ли почувствовав ценителя, давала их на долгое время щедрой рукой. Это были альманахи Санкт-Петербургского общества архитекторов-художников, Московского общества, альбомы уникальных гравюр и экслибрисов.

После посещения Люды я отправлялся с поручениями либо в копирбюро, либо в машбюро. Машинописное бюро комплектовалось из самых плотных дам, так что создавалось впечатление, что для их приема на работу был введен весовой ценз. Все они с трудом пролезали в двери. В один прекрасный день, когда начался ремонт и покрасили стены и двери, машинистки провели три дня подряд во дворе. Они стояли, согнувшись, и натирали друг другу бензином пышные бедра, пытаясь оттереть масляную краску. Злые языки утверждали, что институтская машина в эти дни не ходила в связи с отсутствием горючего.

Я разрабатывал рабочие чертежи клуба из крупных блоков, которые проверял Александр Валерианович. Я был поражен, когда он вернул мне проверенные чертежи — мою двухмесячную работу, не найдя ни одной ошибки и продержав их всего один день.

— Как, неужели все так идеально?

— Саша, неужели вы не понимаете, что этого никто никогда нигде не построит? А если и найдется дурак, который решит построить клуб из крупных блоков, он первым делом выкинет наши чертежи, насует блоков, которые ему дадут, а все оставшиеся дыры будет закладывать кирпичом. Зачем же нам с вами терять время и здоровье на бессмысленную работу только ради того, чтобы Госстрой поставил еще одну птичку в графу «индустриализация».

Замечание было резонным, и это несколько охладило мой производственный пыл.

Во время этой работы я часто вспоминал нашего, всеми любимого, преподавателя конструкций Юровского. Однажды в институте я придумал девятиэтажный жилой дом из двух типов блоков. Я еле дождался утра, чтобы побежать в институт и показать ему свое блестящее открытие. Он посмотрел на меня, весьма мило улыбнулся и спокойно сказал:

— Саша! Я вас очень прошу — не нужно сенсаций! Сделайте сорок типов, и я вам поставлю пятерку.

Рабочий день начинался в полдевятого. Обычно, когда я приходил, моя визави Надежда Алексеевна была уже на месте. Пока я раскладывал свои чертежи и инструменты, она просила:

— Саша, расскажите какой-нибудь анекдот, чтобы начать день в хорошем настроении.

— Да я же не знаю, Надежда Алексеевна.

— Все-то вы знаете. И если старшие просят, вы не должны отказываться.

Она любила анекдоты, заразительно смеялась, но воспринимала их как-то по-своему.

— Ну хорошо, Надежда Алексеевна, слушайте.

— Громче. Пусть все слушают. Я хочу, чтобы у всех было хорошее настроение.

— А если он неприличный? — спрашивала застенчивая Бетти.

— Ничего, не треснешь, — отвечала ее начальница командирским голосом. — Давай!

— Приходит человек в морг, — начинал я с веселенькой тематики. «Скажите, пожалуйста, сюда Рабиновича не привозили?» «А у него есть какие-нибудь особые приметы?» «Да, он сильно заикается».

Надежда Алексеевна хохотала до упаду.